

УДК 81'23

Хухуни Г.Т., Осипова А.А.*(г. Москва)***К ВОПРОСУ О ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ТИПОЛОГИИ
БИБЛЕЙСКИХ ПЕРЕВОДОВ**

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты, связанные с описанием лингвокультурной роли переводов Священного Писания, в частности – их значения для становления и развития литературных языков народов, принадлежащих к христианскому религиозно-культурному ареалу. Отмечается, что в те или иные эпохи в различных регионах указанный процесс принимал различные формы. При этом одним из решающих факторов являлось наличие или отсутствие на соответствующем идиоме к моменту создания перевода собственной письменной традиции и степень её развития. Историческая судьба языков, ставших для библейского текста переводными, в дальнейшем нередко оказывалась весьма несхожей.

Ключевые слова: лингвокультурный, типология, Библия, текст, перевод, язык, развитие.

G. Khukhuni, A. Osipova*(Moscow)***ON THE ASPECT OF LINGUOCULTURAL TYPOLOGY
OF THE BIBLE TRANSLATIONS**

Abstract. The present paper deals with some aspects of the linguocultural role, played by the translations of Holy Writ, especially in the process of the formation and development of the literary languages in the Christian religious and cultural area. In different periods and different regions the forms of the process mentioned were specific enough. It is stated that one of the decisive moments influencing the process was the existence (or the non-existence) of the previous literary tradition on the target language and the level of its development. The life of the languages, on which the Bible was translated, later turned out to vary.

Key words: linguocultural, typology, the Bible, text, translation, language, development.

Роль переводов Библии в формировании культур в регионах, принадлежащих к христианскому миру, а также – в развитии (а во многих случаях и создании) литературных языков многих населяющих эти территории народов, хорошо известна. Следует, однако, учитывать, что указанная «лингвокультурная составляющая» версий Священного Писания в различные эпохи и у различных этноязыковых коллективов имела свою специфику

и весьма серьезные отличия, возникновение которых обусловлено целым рядом факторов. Сложный и комплексный характер данной проблемы требует исследования её с точки зрения различных дисциплин (библистика, филология, история культуры и др.), каждая из которых, естественно, имеет свой предмет изучения. Рассматривалась она, в том числе, и в трудах отечественных учёных и в социо-, и в лингвокультурном плане (см., например, работы Н.Б. Мечковской [8], И.И. Валуицевой [2] и др.). В связи с этим возникает вопрос о лингвокультурной типологии библейских переводов, отдельным аспектам которой и посвящена статья. В частности, предлагается различать (естественно, не претендуя на полноту и всесторонний охват) следующие возможные типы переводов Священного Писания:

1. Созданные в древности на языках, уже имевших ко времени выполнения переводов богатую письменную традицию (т.е. литературно обработанных) и обладавших значительным культурным престижем. Так обстояло дело при передаче Библии на греческий (Септуагинта) и латинский (Вульгата Иеронима и предшествующие ей переводы) языки. И в том, и в другом случае в распоряжении переводчиков уже был соответствующий языковой материал, который в дохристианскую эпоху обслуживал языческие культуры. Таким образом, в лингвокультурном плане речь шла о выражении нового содержания, но отнюдь не о *создании нового литературного идиома* в собственном смысле слова. Сближает названные тексты и то обстоятельство, что они в последующие столетия стали выступать в функции исходных для переводов на другие языки. В католической традиции переводы с Вульгаты делались ещё в XX столетии. Так обстояло дело, например, с полностью опубликованной в 1945 г. английской Библией Нокса, автор которой считал, что «поскольку латынь является официальным языком церкви [католической – авт.] и что Вульгата признается её *оригинальной* (курсив наш – авт.) Библией (since Latin was the official language of the Church and that the Vulgate was the Church's original Bible), единственным способом обеспечить точный перевод, отражающий ценности католицизма, будет использование издания Вульгаты 1592 г., хотя он был осведомлён о том, что в этом издании есть ошибки в переводе» [15]. Да и некоторые (в том числе и весьма авторитетные) представители православной традиции в своё время считали, что «Церковь Божия не знала другого слова Божия, кроме 70 толковников, и когда говорила, что Писание богодухновенно, разумела Писание именно в этом переводе» [12]. Вместе с тем необходимо принимать во внимание и существенное отличие между греческой и латинской Библиями: вторая является в полном смысле слова христианским переводом, тогда как о собственно переводном характере (причём дохристианском) первой можно говорить лишь применительно к Ветхому Завету. Вопрос же о наличии

возможных арамейских оригиналов Нового Завета, о которых вплоть до сегодняшнего дня ведутся острые дискуссии, как известно, общепризнанного решения не получил.

2. Перевод Библии осуществлялся на язык, имеющий весьма древнюю письменную традицию, но сама эта традиция, по существу, полностью пресеклась, заменившись христианской. Думается, что именно так обстояло дело с коптским языком. Хотя в лингвистическом плане он представлял собой продолжение древнеегипетского, в лингвокультурном отношении ситуация выглядит принципиально иной. Внешним показателем отмеченного «разрыва с традицией» может служить и трактовка его как «другого языка» (в отличие от восприятия древне-, средне- и новогреческого как этапов развития одного идиома), и замена во втором веке переводчиками Библии системы письма, повлекшая за собой забвение ранее существовавшей. В большинстве случаев последний момент принято объяснять, так сказать, «техническими причинами»: «Демотическое письмо, которым в то время пользовались египтяне, <...> не могло быть использовано для этой цели в силу своей сложности и неприспособленности для перевода иноязычного текста» [5, с. 240]. При всей несомненной справедливости приведённого объяснения, думается всё же, что оно не является исчерпывающим: было же не менее сложное китайское письмо «приспособлено» для передачи буддийских текстов. Возможно, в лингвокультурном плане сыграло роль и обстоятельство, отмеченное американским библеистом Б. Мецгером: «В общем и целом коптский был нелитературным разговорным языком населения, в большинстве своём сельского, в то время как египетская «аристократия», полностью эллинизированная, пользовалась греческим языком. Коптский язык по сравнению с греческим гораздо беднее, далеко не так изящен и менее гибок» [7]. Не останавливаясь сейчас на вопросе о том, насколько правомерен с объективно-научной точки зрения такого рода оценочно-эстетический подход, напомним только, что будучи впоследствии вытесненным арабским практически из всех коммуникативных сфер, коптский сумел сохранить свои позиции в области церковно-богослужебной практики. Более того, в специальной литературе порой отмечается, что «коптский является не только литургическим, но и национальным языком коптского народа, хотя и почти вышедшим из повседневного употребления, однако воспринимаемым коптами как атрибут их не только конфессионального, но и этнического единства» [9].

3. Осуществление библейского перевода знаменовало процесс зарождения письменности и литературного языка. Так обстояло дело у большинства народов средневекового мира в процессе их христианизации. Таким образом, здесь шла речь уже не только о *межъязыковой передаче* с исход-

ного языка на переводной, но и о самом *формировании* переводного языка. Наиболее показательным примером в этом отношении является деятельность славянских первоучителей и их продолжателей. Показательно в этом отношении замечание О.А. Седаковой о том, что «какой говор положен в основание церковнославянского языка... по существу не слишком существенно... потому что, на самом деле, этот материал, материал дописьменного племенного языка был только материалом, речевой плотью, в которую переводчики, равноапостольные Кирилл и Мефодий, вдохнули совершенно другой, новый, греческий дух. Их обыкновенно называют создателями славянской письменности: на самом деле, вполне справедливо назвать их *создателями литургического славянского языка* (курсив наш – авт.), этого особенного языка, похожего на который, насколько я представляю, нет» [10]. Вряд ли с первой частью процитированного фрагмента полностью согласится большинство филологов-славистов – достаточно вспомнить, какие острые дискуссии вызывал (а порой продолжает вызывать) среди них вопрос о «живой народно-разговорной основе» старославянского языка. Однако в лингвокультурном плане приведённое высказывание имеет под собой определённые основания.

4. Перевод Священного Писания осуществлялся на те языки, которые имели достаточно длительную письменную традицию, но не признавались равноправными с «сакральными» идиомами в конфессиональной области («теория триязычия») и ещё не сформировались полностью в нормативном и стилистическом планах. Так обстояло дело в эпоху Реформации, когда создание «национальных Библий» превратилось, по известному выражению Ф. Энгельса, в «мощное оружие» борьбы с папским Римом и одновременно послужило одним из важнейших средств становления современных европейских языков. Речь, разумеется, в первую очередь, идёт о немецкой Библии Мартина Лютера и английской King James Version, хотя аналогичные примеры были и в других странах, охваченных реформационным движением. При этом, однако, могла иметь место и своеобразная «региональная конкуренция» между создававшимися версиями, проявившаяся, в частности, в немецкоязычном ареале между Библией Лютера и Цюрихской Библией. Вдохновителем последней являлся находившийся с вождем немецкого протестантизма в весьма непростых отношениях Хульдрих Цвингли, подчеркнувший в полемике с Лютером именно «швейцарский» характер своей деятельности в известных словах: «*Ein Schweizer bin ich und den Schweizern bezeuge ich Christum*» [14]. Не лишён интереса и исход этой полемики. С одной стороны – в собственно языковом плане – можно говорить о «победе» Лютера. Исторически сложилось так, что в последующие столетия норма «швейцарского литературного языка» в собственном смысле слова сфор-

мировалась, а в административном управлении и литературе использовался, в основном, стандартный немецкий язык (Hochdeutsch). И этот язык (во многом восходящий опять-таки к Библии Лютера!), начиная с издания 1665 г., стал применяться и в Цюрихской Библии [16]. С другой стороны, в лингвокультурном плане в определённом смысле сохранилась и отставшая Цвингли «швейцарскость»: несмотря на «стандартизацию» языковой формы и последующие переработки, Цюрихская Библия остаётся Библией Евангелических Реформистских Церквей Швейцарии (Evangelisch-Reformierte Kirchen der Schweiz) по сей день.

5. Функционирование библейского текста в данной лингвокультурной общности приобретает характер двуязычной/диглоссийной оппозиции (анализ различий между данными понятиями в задачи авторов настоящей статьи не входит). Иными словами, при наличии традиционной версии, воспринимаемой как «своя», но сильно отличающейся от собственно «своего» идиома, создаётся перевод на этот идиом с первоначально ограниченной задачей «пояснительного чтения». Впоследствии же сфера применения перевода расширяется, охватывая практически все области применения Священного Писания, кроме литургической. В целом, вероятно, подобная ситуация характерна для русского Синодального перевода в его отношении к церковнославянскому.

6. Отдельного упоминания заслуживает процесс «модернизации» версий Священного Писания, принявший особенно интенсивный размах в прошлом и нынешнем столетиях. Можно выделить два возможных пути реализации указанной тенденции. С одной стороны, речь идёт о пересмотре и редактировании «классических» переводов при сохранении (во всяком случае, на декларативном уровне) их «лингвокультурной идентичности». Подобные «ревизии» достаточно характерны для протестантской традиции и имели место, в частности, по отношению к Библии Лютера (очередное «обновление» которой проектируется и в настоящее время, хотя отношение к нему в Германии и нельзя назвать однозначно-положительным – см., например, [1]). Аналогично авторы последнего издания упомянутой выше Цюрихской Библии подчёркивают, что библейский перевод представляет отнюдь не единичный акт и постоянно требует новых поисков «более ясной интерпретации»: «...Bibelübersetzung kein einmaliger Akt sei, sondern... eine klarere Interpretation immer neu gefunden werden müsse» [17, Zum Geleit]. Подобное мнение высказывалось в отношении Синодального перевода (см., в частности [11]). С другой стороны, начиная со второй половины прошлого века, получили распространение и переводы, противопоставленные предыдущей традиции, прежде всего – в рамках концепции «динамической эквивалентности» Ю. Найды и его продолжателей (к их числу в определённой

степени можно отнести и вышедший в 2011 г. Современный русский перевод). Впрочем, между двумя указанными подходами не всегда можно провести отчётливое различие – ср. замечание А.С. Десницкого о возможном «обновлении» Синодального перевода: «С моей точки зрения, тактическое решение может быть таково: начать редактировать, а затем прийти к решению о необходимости нового перевода... Будет прекрасно, если появится отредактированный Синодальный, новый, литургический переводы, перевод для домашнего чтения...» [11].

7. Наконец, говоря об интересующей нас проблеме, нельзя не отметить и те случаи, когда перевод Священного Писания, положив начало литературной традиции, остался едва ли не единственным реликтом языка лингвокультурной общности, вообще прекратившей своё существование как самостоятельный этнос. Показательно в этом плане сравнение славянского перевода Библии с созданным несколькими столетиями раньше готским. В обоих случаях исследователями подчёркивается огромная роль личностного творческого начала (Равноапостольные Кирилл и Мефодий // «апостол готов» (В)ульфила). Говоря о готском, отмечают его применение, прежде всего, в религиозной сфере, «искусственность», обусловленную влиянием греческого языка, повлиявшего на формирование как лексической, так и грамматической систем: «Сложившийся, главным образом, в качестве языка церковной письменности, он впитал в себя многие достижения греко-римской цивилизации, пополнившись не только новыми языковыми единицами, но и моделями в сфере словообразования и синтаксиса. Греческий язык подлинника послужил образцом для формирования облика литературно-письменного языка готов... Неслучайно в современной германистике стал употребляться термин 'церковно-готский' для обозначения языка готских библейских переводов» [6, с. 57–68]. Выполнявшийся почти одновременно с Вульгатой готский перевод привлёк внимание её автора: «Известно, что Иероним... обратился специально к готским клирикам, Сунье и Фритиле, с разъяснениями о принципах перевода Священного писания... Естественно предположить, что речь шла о принципах перевода на готский язык» [3, с. 17]. В предисловии к известному Кодексу из Брешии, полемически заострённом против «искажителей», позволяющих себе вольное отношение к передаче библейского текста (*qui falsa adsertione secundum uoluntate(m) sua(m) mendacia in lege uel in euangeliis per interpretatione(m) propria(m) posuerunt*), подчёркивается необходимость отсутствия расхождений между греческой, латинской и готской версиями: «...ne in interpretationibus linguarum, secundum quae in interiora libri ostenduntur, legenti uideatur aliud in Graeca lingua, aliud in Latina uel Cotica» [13]. Подобно церковно-славянскому, готский обладал сакрально-литургической значимостью и,

как предполагают, определённой полифункциональностью: «На этом языке велось богослужение в готской церкви, создавались переводные памятники религиозного содержания с греческого языка, а также, вероятно, частично велось и делопроизводство» [4, с. 9]. И тем не менее в отличие от церковнославянского или коптского, готский был не только полностью утрачен за весьма короткое по историческим меркам время, но и наиболее значимый памятник перевода Библии на этот язык – знаменитый «Серебряный кодекс» – оказался забыт более чем на тысячу лет. Возможно, сыграло свою роль, помимо прочих факторов, и то обстоятельство, что исповедавшееся готами арианство оказалось, если можно так выразиться, тупиковым ответвлением христианства...

Подводя итог сказанному, ещё раз отметим, что, как видно даже из весьма ограниченного материала, представленного в настоящей статье, дальнейшая разработка лингвокультурной типологии библейских переводов может быть признана весьма актуальной задачей и заслуживает пристального внимания исследователей.

Литература

1. В Германии выступают против модернизации Библии Лютера. // Седмица. RU. Церковно-Научный Центр «Православная Энциклопедия». По Благословиению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sedmitza.ru/text/3791204.html> (дата обращения 12.02.2013).
2. *Валуицева И.И.* Время как металингвистическая категория. М.: Издательство МГОУ, 2006. 202 с.
3. *Гухман М.М.* Готский язык. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 289 с.
4. *Дубинин С.И., Бондаренко М.В., Тетеревёнков А.Е.* Готский язык. Учебное пособие. Самара: Издательство «Самарский университет», 2006. 148 с.
5. *Еланская А.И.* Коптское письмо // Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. редактор В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 240 с.
6. *Карпов В.И.* Влияние перевода Библии на формирование литературно-письменного языка у готов // Лакуны в языке и речи. Сборник научных трудов. Благовещенск: Издательство БГПУ, 2003. С. 67–74.
7. *Мецгер Б.М.* Ранние переводы Нового Завета [Электронный ресурс]. URL: http://svitk.ru/004_book_book/4b/1020_mecger-rannie_perevodi.php (дата обращения 12.02.2014).
8. *Мечковская Н.Б.* Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: Агентство «ФАИР», 1998. 352 с.
9. *Мусорин А.Ю.* Языки христианского мира как отдельный объект лингвистики // Иностранные языки в научном и учебно-методическом аспектах. Вып. 9. Новосибирск, 2011. С. 36–38 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/musorin-11.htm> (дата обращения 23.02.2014).

10. *Седакова О.А.* Церковнославянский язык: слова для смыслов [Электронный ресурс] // Русская народная линия: [сайт]. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2013/05/25/cerkovnoslavyanskij_yazyk_slova_dlya_smyslov/ (дата обращения 04.01.2014).

11. *Сеньчукова М.* Приключения Библии в России: быть ли новому переводу? [Электронный ресурс] // Православие и мир: [сайт]. URL: <http://www.pravmir.ru/priklucheniya-biblii-v-rossii-byt-li-novomu-perevodu/>. (дата обращения 05.01.2014).

12. *Флоровский Г.В.* Пути русского богословия [Электронный ресурс] // Holy Trinity Orthodox School. 2003. URL: <http://www.vehi.net/florovsky/puti/>. (дата обращения 13.01.2014).

13. A Natural Translation of the Praefatio Attached to Codex Brixianus. 1. The Latin Text [Электронный ресурс] // The Journal of English and Germanic Philology, vol. 37, No. 3 (Jul. 1938). URL: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/27704408?uid=3738936&uid=2129&uid=2&uid=70&uid=4&sid=21103944526933> (дата обращения 06.04.2014).

14. *Reich R.* Die Zürcher Bibel – ein Geschenk, an welchem zu arbeiten der Zürcher Kirche seit Jahrhunderten aufgegeben ist [Электронный ресурс]. URL: <http://www.landeskirchenforum.ch/dok/346> (дата обращения 20.10.2013).

15. *Ricciuto M.* English Translations of the Roman Catholic Bible in the 20th Century [Электронный ресурс]. URL: <http://homes.chass.utoronto.ca/~cpercy/courses/6362-ricciuto.htm> (дата обращения 03.12.2014).

16. *Scheidegger Ch.* Zürcher Bibelübersetzung. Reformierte Kirche Kanton Zürich [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zh.ref.ch/a-z/zwingli/lexikon-z/zuercher-bibeluebersetzung> (дата обращения 20.10.2013).

17. *Zürcher Bibel 2007.* Zweite Auflage. Zürich: Theologischer Verlag, 2013. 341 S. + (без нумерации) [Zum Geleit]; [Einleitung] u.a.